

АКТУАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Экономика и демократия в проекте модернизации России*

В. Г. ФЕДОТОВА, В. А. КОЛПАКОВ
(Институт философии РАН)

В статье предлагается социальный проект модернизации России, расширяющий сегодняшнее представление о задачах модернизации. Отказ от ряда существующих в обществе мифов дает новые проектные характеристики модернизации страны.

Ключевые слова: модернизация, проект, регионы, производство, индустриальное производство, производящие индустрии, диверсификация, политическая культура, смешанная экономика, смешанная политическая культура.

В условиях мирового экономического кризиса ситуация в России не выглядит удручающей. Вместе с тем можно констатировать, что экономика здесь все еще остается экономикой периферийного типа и самовоспроизводящаяся бедность не может быть средой экономического роста, демократии, капитализма и модернизации.

Статья 7 Конституции Российской Федерации провозглашает, что «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», однако внятных механизмов обеспечения этой политики до сих пор не существуют.

КАКИМ МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЕКТ?

Проект модернизации России, развития ее экономики в направлении, ведущем к улучшению жизни каждого человека, к формированию адекватной политической культуры, нуж-

дается в нахождении адекватной политики в сфере производства, экономики, политики и культуры. Она должна преодолеть многочисленные мифы, встречающиеся на этом пути. Один из них — миф постиндустриального общества и ухода производящих индустрий в страны Азии.

В российских региональных документах, касающихся стратегии развития областей и республик России до 2025 г., почти повсеместно присутствует общая схема развития, ведущая все регионы к постиндустриальным обществам. Не признается ни исходная неравномерность регионального развития, ни ее принципиальный характер. Ведутся рассуждения о модернизации, недавно понимаемой как догоняющей Запад, сегодня — как приводящей страну к новому технологическому циклу — запуску нано- и биотехнологий. Несомненно, существуют отдельные проекты, отвечающие этому стремлению. Но в целом изложенные мечтания о постиндустриальном

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социальные технологии, коммуникационный механизм в системе “наука — общество”» (грант РГНФ № 11-03-00425а).

характере каждого уголка России, претендующие на проектность, говорят лишь о том, что мы работаем не с жизненными проектами, а с идеологемами.

Понятие постиндустриального общества или общества знания предполагает тот уровень развития производства, когда наука, как предвидел К. Маркс, становится непосредственной производительной силой, вытесняя старые типы производства.

В ноябре 2012 г. Институт глобальных исследований МакКинси (*The McKinsey Global Institute* (MGI)) опубликовал доклад под названием «Создавая будущее: новая эра мирового роста и инноваций» (*Manufacturing the Future...*, 2012: Электр. ресурс), концепция которого менее абстрактна, чем это представлено в теориях общества знания. Цель этого проекта состоит в том, чтобы оценить, какую роль производство будет играть в экономическом развитии передовых и развивающихся стран в ближайшие десятилетия. Анализ производственного и индустриального развития как развитых, так и развивающихся стран за последние 50 лет позволяет сделать некоторые выводы, интересные для экономического и социального развития России. Важно, что *без производящей индустрии (ПИ)* невозможно достигнуть социальных целей, невозможно говорить о полноценном раскрытии человеческого потенциала и преждевременно ставить цель создания гражданского общества. Это невозможно, в частности, потому, что постиндустриальное общество не является беспроблемным, как оно иногда выглядит в российском понимании. Оно имеет, в частности, проблему 20:80, состоящую в том, что применение науки как производительной силы в постиндустриальном обществе или, как еще говорят, в «обществе знания», связано с тем, что производству будет нужно в таком обществе только 20% населения, представляющего собой высококвалифицированных и высокообразованных специалистов. Остальные 80% такому производству не нужны. Вопрос об этих 80% населения оставался неразрешимой практической проблемой. Если прежде из села уходили в город на производство, а по мере развития последнего «лишние» люди пе-

реходили в сервисную экономику, то в постиндустриальном обществе их место оказалось под вопросом.

Кажется, сегодня оно может быть найденным. В ближайшие 15 лет «общество потребителей» пополнится еще на 1,8 млрд чел. Потребление во всем мире за это время удвоится и достигнет объема, в денежном выражении равного 64 трлн долл. Целый ряд факторов указывает на благоприятные в долгосрочной перспективе условия для производственного сектора экономик как развитых, так и развивающихся стран. Аналитическое исследование Института глобальных исследований МакКинси базируется на данных следующих наукоемких индустрий: автомобильной, аэрокосмической, производства продуктов питания, производства металлов и новых материалов и электроники. Эти индустрии не уходят из развитых стран. Более того, присутствуя там, они свидетельствуют об их развитости. В развивающихся или модернизирующихся странах производящие индустрии способствуют прогрессу. Производящие индустрии будут способствовать росту экономического развития и повышению уровня жизненного стандарта. *Производящая индустрия с ее наукоемкими продуктами может рассматриваться как вторая ступень после традиционной не наукоемкой, а трудоемкой индустрии и предшествующая постиндустриальным обществам.* Представляется, что ПИ — это нечто, идущее вслед за ИП (индустриальным производством прежнего типа). Возникает также вопрос, предшествуют ли производительные индустрии постиндустриальным обществам (обществам знания) или же они позволяют им сформироваться с меньшими социальными трудностями. Эту последнюю точку зрения мы пытаемся отстоять.

Эмпирические свидетельства, приведенные в докладе Института МакКинси, позволяют утверждать, что *на самом деле в азиатские страны уходят лишь трудоемкие производства с высоким уровнем занятости среднеквалифицированным трудом, например производство бытовой электроники, где высока доля сборочных, ручных операций.* Аналогична судьба текстильной промышленности, ко-

торая требует большого количества малоквалифицированных рабочих. Однако производства, требующие высококвалифицированных работников, серверных научных и технологических разработок, не переносятся, а продолжают оставаться ключевыми для экономики развитых стран. Для такого рода ПИ характерна эволюция от производства фабричного, цехового в направлении «умного» производства — «лабораторного и офисного», где работают больше с информацией и за компьютерами. В развивающихся и переходных экономиках последнее обеспечить не так легко из-за низкого уровня образовательных и исследовательских центров. Хороший в этом смысле пример — компания *Apple*, гаджеты которой производятся в Китае, но все научно-технические результаты, а также дизайн и концепции, маркетинговые стратегии и прочее разрабатываются в Калифорнии. Производство коммерческих самолетов, осуществляемое в разных странах, а сегодня и в России, является огромным комплексом вовлечения людей в современное производство, образование, научно-технические изыскания, организацию, управление, подготовку рабочих, обладающих высокотехнологичными навыками и умениями, специалистов по продажам, организациям выставок, научно-техническим связям. Примером может быть замена «черной металлургии» «белой металлургией» на трубопрокатном заводе Челябинской области, настоящем примере ПИ. Высочайшая технология производства привела на завод высоко технически образованную молодежь. Директору 27 лет. Молодые рабочие — это высококвалифицированные инженеры. Гордость за производство, энтузиазм, высокие доходы. Репортаж об этом по телевидению совсем недавно показался бы фантастикой.

Таким образом, ПИ не уходит из развитых стран, уходит лишь трудозатратное производство, где инновации выгодно заменить дешевым трудом. Развивающиеся страны привлекательны для производств именно с этой точки зрения. Однако для богатых и благополучных стран — стран, стремящихся к модернизации, — ПИ остаются локомотивом изменений и трансформаций всей со-

циально-политической сферы. Меняется характер труда: от трудоемкого — к высокопроизводительному и наукоемкому, умному. При таком подходе решается дилемма постиндустриального общества 20:80. Растет спрос на таланты, на высокопрофессиональных сотрудников, на научные и технические инновации и т. п. «Цеховое» производство все больше смещается в офисы и исследовательские центры, в производство «знаниевое», которое становится интегративной и дополнительной его частью. Количество занятых в этих дополнительных сферах в зависимости от производящей индустрии и страны, в которой она работает, составляет от 35% до 50% от всех занятых в промышленном производстве, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому спрос на таланты и высокий профессионализм будет доминирующим трендом во всем мире. К 2020 г., по прогнозам Института МакКинси, дефицит «талантов» достигнет 20 млн.

Если для Запада это важно как потенциально возможное решение проблемы 20:80, то для России — это шанс, который дается населению страны на высококвалифицированную занятость, на развитие, на высокий доход.

В Германии, например, инвестиции в научные исследования со стороны ПИ составляют 89% от всех инвестиций со стороны бизнеса.

МИФ О ДВУХ МОДЕЛЯХ РАЗВИТИЯ

В целом в мировой экономике продолжается полемика между сторонниками либерализации экономики и ее противниками. Достаточно упомянуть недавно и одновременно изданные у нас книги американских ученых — политолога Дж. Фридмена и экономиста В. Крауса «Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования» (Фридмен, Краус, 2012) и известного эксперта в области экономического развития Р. Андерсона «Просто не стой на пути: Как государство может помочь бизнесу в бедных странах» (Андерсон, 2012). Думается, что в России возникла специфическая ситуация, несводимая к борьбе либералов и сторонников государственного регулирования, модернизаторов и традиционалистов, хороших и плохих:

российские олигархи, владельцы крупных компаний умело используют благоприятную конъюнктуру мирового рынка при содействии и взаимодействии с государственными чиновниками, но нет институциональной среды, которая препятствует проявлению алчности капитала и обеспечивает антикоррупционную, налоговую, социальную политику, делающую непозволительными многие негативные результаты по прошествии 20-летия с начала реформ. Если мы вступили в капиталистическую экономику, то упования наши должны быть не на гуманитарные аспекты рыночной экономики (вспомним слова К. Маркса о том, что законы накопления капитала таковы, что за 300% прибыли капиталист готов пойти даже на убийство), не только на моральные увещевания, а на *институты, делающие риски нечестного бизнеса реальными и наказуемыми*. Именно в этом будут состоять гуманитарные аспекты экономики. Немецкий или американский правительственный чиновник из-за этих рисков меньше склонен к коррупции. Гуманитарные приоритеты рыночной экономики основаны не на идеализме, а на политике, которая бы включала в свои задачи подъем уровня жизни всего населения.

Миф, который имел и отчасти имеет место в России, состоял в том, чтобы предложить неолиберальную модель России в девяностые в условиях отсутствия собственника. *Эта модель неизбежно политизировалась, создавая иллюзии немедленной возможности демократии, а не просто стремления к ней. Сейчас, когда собственник появился, расчет на малый и средний бизнес в России не может быть сопоставим с расчетом на ПИ*. Для работников, вовлеченных в ПИ, создаются условия высококвалифицированного труда, образования и развития. Малый и средний бизнес не может создать нечто подобное и пока еще нуждается в институциональной среде, направляющей его в цивилизационное русло. Криминал и ужасающая коррупция разрушают все предпосылки для экономической и политической активности граждан. В научной литературе о малом бизнесе азиатских стран мы встречали информацию о том, что индустриализация и ПИ как более сложная форма производства

уменьшили малый бизнес. Южнокорейский малый бизнес в значительной своей части переместился в США из-за пафоса индустриального и ПИ развития в своей стране, уважения к новым технологическим возможностям.

*МИФ О ТОМ, ЧТО ДЕМОКРАТИЯ,
КАК И РЫНОК, ВСЕГДА ВОЗМОЖНА*

Третий миф состоял в том, что, получив свободу, бедное население окажется готовым к демократии, к участию в бизнесе, в гражданском обществе. В действительности начиная с определенного уровня развития, когда экономик достигают средне-богатого уровня (видимо, в этот момент появляется средний класс по уровню доходов), люди ведут себя во всех странах на удивление одинаковым образом. Начиная с уровня дохода в *10 000 условных долларов* на душу населения во всех странах (Япония, Тайвань, Англия, Америка, Южная Корея и др.) происходит падение доли занятости в ПИ и одновременно растет сфера занятости в дополнительных к ПИ областях, без которых ПИ не существует. Хотя доля занятости в ПИ в развитых странах имеет тенденцию к сокращению, оно далеко от пугающих 80% ненужных производству людей. Расширяется понятие производства, что позволяет расти числу сотрудников в сопутствующих и дополнительных к непосредственному производству отраслях, сферах (табл. 6 доклада Ин-та МакКинси, см.: Manufacturing the Future..., 2012: Электр. ресурс).

Но у демократии тоже есть своя цена: демократия зависима от уровня доходов в обществе. Известный российский историк А. И. Уткин в статье «Сколько стоит демократия» писал, опираясь на западные исследования: «Если в обретшей демократическую форму правления стране доход на душу населения в год составляет в текущих американских долларах цифру ниже 1500, то жизнеспособность данной демократии не превышает 8 лет. В том случае, когда этот среднегодовой уровень размещается между полутора и тремя тысячами долларов США, выживаемость демократической формы правления повышается до 18 лет. Очень важный уровень — 6 тыс. долл. США в год. С достижением этого уровня де-

мократия начинает приобретать устойчивость. Вероятность возврата (ухода) к тоталитаризму весьма резко сокращается. Подлинный пункт “невозврата” демократия преодолевает при достижении цифры 9 тыс. долл. в год на жителя страны. Демократическая форма правления теряет качества хрупкости, она уже практически не нуждается в “благорасположенном тиране”» (Уткин, 2004: Электр. ресурс). Прогноз МакКинси удивительным образом указывает на исходную цифру дохода промышленного рабочего в 10 000 долл. как необходимую для развития ПИ — экономики и работы экономики на человека.

ПИ остаются путем к достижению среднего уровня доходов населения и статуса богатой нации. При этом производство не зависит более от создания большого числа рабочих мест, но все в большей степени от инновации и торговли. (В США с 2000 по 2010 г. количество низкооплачиваемых рабочих мест сократилось на 720 000, но при этом на 700 000 выросло количество высокооплачиваемых рабочих мест) (табл. 12 доклада института МакКинси, см.: *Manufacturing the Future...*, 2012: Электр. ресурс).

Итак, начиная с определенного уровня дохода на каждого работающего, во всех экономиках наблюдается сокращение числа занятых в ПИ. При уровне дохода в 25 тыс. условных долларов имеет место сокращение почти в два раза. Однако высокий уровень дохода работников ведет к увеличению спроса на индустрии, которые обеспечивают качество жизни, такие как здравоохранение, образование, производство качественных продуктов, вся сфера досуга, отдыха и т. п. Аккумулированный в ПИ капитал конвертируется в человеческий, личностный и культурный капитал. В этом смысле развитие сервисной индустрии, работающей на производство, есть удовлетворение спроса высокопрофессиональных работников и сотрудников ПИ и смежной с ними области на новое, более высокое качество жизни. Тем самым высокий доход в ПИ служит капиталом для развития всей новой индустрии в обществе. Соотношение 20:80 в этом смысле значит, что 20% занятых в ПИ нуждаются в 80% занятых в производстве нового ка-

чества жизни, новых социальной, экологической и политической средах, необходимых для умных и талантливых людей, востребованных умным производством.

Для развивающейся экономики важны не только традиционные индустриальные производства, но нужны, особенно в регионах, если говорить о России, трудоемкие и энергосберегающие технологии. Причем в зависимости *от места применения зависят и результаты*. В первую очередь областью распространения указанных технологий является сельское хозяйство, но такое, центром которого выступает семейное, фермерское производство либо же сельхозкооперативы. Перенос акцента с развития крупных хозяйств на развитие мелкого и среднего хозяйства собственника позволяет обеспечить бедному населению первоначальное накопление, решает при этом важную социальную задачу использования рабочей силы, которой обычно на селе избыток.

Диверсификация типов производств сегодня совершенно необходима. Паровая машина Дж. Уатта была запатентована в 1769 г., а в 1776 г. А. Смит выпустил книгу о богатстве народов. Но в труде Смита, как затем и в работе Д. Рикардо, сохранялась ориентация на ремесленное производство, на небольшие фабрики. Даже у К. Маркса абстракция труда превышает значимость индустриального производства, несмотря на то что Маркс предвидел непосредственную производительную силу науки в будущем. Представляется, что интерес экономистов к диверсификации производства и региональной диверсификации модернизационных проектов, ориентированных на экономический и социальный результат, и может стать реальной основой улучшения ситуации в России.

Еще один миф, с которого мы начали: **о дружном походе всех уголков России в постиндустриальное общество, — выливающийся в беспочвенную идеологию**. Регионы Российской Федерации развиты неравномерно. Факторы, обуславливающие это явление, складывались исторически. Возникает вопрос: можно ли местные особенности, которые иногда трактуются как слабости, использовать как

элемент силы в стратегии долгосрочного развития региона?

В стране немало регионов, в которых традиционная культура превалирует над городской, где доля сельского населения намного выше, чем в целом по стране, где осталось уважение к традициям и где много верующих людей. Это относится к русским, исламским регионам, автономным республикам. Данные факторы могут выступить как серьезный внеэкономический капитал, который можно и нужно использовать для экономического развития. Однако этот капитал трудно активизировать при индустриальном развитии в системе традиционного индустриального производства (ИП), которое в большей степени ориентировано на городскую культуру. Если же сделать для этих регионов приоритетным развитие сельского хозяйства, то этот капитал может начать работать в полной мере.

В научной литературе проанализированы факторы успешного экономического подъема некоторых промышленно отсталых азиатских стран и регионов. Показано, что во всех случаях успех приходил, когда развитие было основано на глубоком учете национальных особенностей и традиций.

Дж. Арриги, опираясь на идеи японского исследователя К. Сугихара, связывает «прилежание в труде», основой которого было трудоемкое сельскохозяйственное производство, с важнейшим каналом распространения достижений индустриализации в азиатском регионе¹.

История региональной диверсификации полна нужных для освоения примеров. В модернизации послевоенной Японии присутствовали четыре, а не один проект. Китайские специалисты выделяют первичную (индустриальную) и вторичную (постиндустриальную) модернизации. При этом под вторичной понимаются скорее ПИ-модернизации, осуществляемые в долине реки Янцзы, которые практически реализуются в технопарках вокруг Шанхая и Пекина. Для индустриальных трудоемких производств (ИП) характерна своеобразная редупликация произведенного, для ПИ — производство наукоемких, постоянно

меняющихся вслед за тенденциями рынка образцов. Например, в Китае ближе к постиндустриальному является полностью китайское производство абсолютно нового для данной страны скоростного поезда. В истории с подъемом Запада диверсификация государств изучена американским исследователем Д. Даредом, который назвал Европу местом, где был осуществлен «принцип оптимальной фрагментации», означающий, что «инновационный прогресс быстрее всего происходит в обществе с некоей оптимальной промежуточной степенью фрагментации — и избыточная консолидация, и избыточная раздробленность для него вредны» (Даред, 2009: 552). Нам кажется, что из сказанного возникает проект поворота экономики к человеку.

Если нормы этики задает экономике общество, то шансы общества — в честности и компетентности его элит, в их способности провести первичную — индустриальную модернизацию, индустриальное производство (ИП) в нашем обществе, что состоит в восстановлении разрушенных производств, распространении производящих индустрий, создании постиндустриальных отраслей. Это поднимет жизнь людей, увеличит численность среднего класса; создаст доход, многообразные интересы, знания и навыки, запрос на талантливых людей.

Посредством обращения к характеру производств мы пытались также разрушить миф об одноукладной экономике, который определяется также анализом форм собственности. Во всех своих смыслах экономика должна быть многоукладной.

МИФ ОБ ОБЩЕЙ ДЛЯ ВСЕЙ СТРАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В нашем относительно недавнем социалистическом прошлом *реальное политическое действие* общества было практически изгнано из жизни. Большинство людей доверяло власти в ее политических действиях и политической идеологии. Даже помыслить о свободном и осознанном акте проявления политических интересов со стороны общества не разрешалось системой, взявшей на себя политическую функцию. Но зато социализму как идеоло-

гии были присущи множество объединяющих и цементирующих общество в некую всеобщность идей, свойств, среди которых — политическая культура, отражающая патриотизм, идея справедливости, вера в преимущество социалистического будущего. Политическая культура населения была преобладающе патерналистской. Социально активные граждане могли проявить свое участие в политике поддержанием и успешным выполнением поставленных государством целей. Термин «социалистическая демократия» как выражение воли большинства, осуществляемой государством, соответствовал на определенных этапах развития СССР своей сущности.

Государство целенаправленно создавало единое политическое и экономическое пространство, новую историческую общность — «советский народ», подобно тому, как страна с другой политической системой — США формировала столь же реально существующую общность «американский народ» и идеологию, в которой американский опыт противопоставлялся советскому. Конфронтация социальных систем усиливала зеркальность политических культур, несмотря на демократию в Америке и антагонистическую ей социалистическую демократию в СССР. Однако, как показали американские ученые Г. Олмонд и С. Верба, американская политическая культура содержала не только приписываемую ей политическую культуру участия, но и характерную для большого слоя людей, не обладающих активностью и интересом к политике, приходскую и местную политические культуры, совместно вполне охватываемые, на наш взгляд, понятием «патерналистская политическая культура».

В России сегодня пока еще сохраняется исторический опыт совместного проживания этнически, культурно и религиозно различных народов. Но в целом ситуация в постсоветской России принципиально иная — отсутствует мощная объединяющая всех модернизационная идея, мобилизовавшая массы людей на индустриализацию в 1930-е, на победу в войне в 1940-е, на научно-техническую революцию в 1970-е годы, на улучшение образования, на социальную справедливость, на социальный

прогресс и, наконец, на преобразования самой системы. Сегодня идея модернизации понимается в обыденном значении как улучшение или как вступление в активное технологическое развитие, в котором массы не могут принять участие, так как это сегодня — не индустриализация, нуждавшаяся в рабочих руках, а высокопрофессиональная деятельность. В отсутствие объединяющего и возвышающего всех стремления, силы, несмотря на наличие отдельных успехов и программ, действует противоположный СССР тренд — на разъединение, на сегментацию и архаизацию, на возвращение к исходному досоциалистическому прошлому основной массы населения, не имеющей предпосылок ни в своем менталитете, ни в материальных условиях, ни в правовых основаниях для перехода к другому будущему. Пафос строительства общего социалистического дома угас. Во многих регионах стали строить «местные деревни» в ностальгии по досоциалистическому прошлому.

Нельзя, однако, все сводить только к негативным тенденциям. В тени разъединяющего страну тренда вызрели и заявили о себе совершенно новые явления — *политическое действие и политическая культура, эти долгожданные предвестники гражданского общества. Проблема демократии в России стала столь же актуальной и популярной сегодня, как некогда проблема создания рыночной экономики на месте плановой.*

Снова, как и в 1990-е, возникла идея построения демократических институтов и гражданского общества по уже имеющимся, «готовым» образцам. Просматривается аналогия с прежним пафосным освоением рыночной экономики, но теперь уже в отношении демократического, гражданского общества, дефицит которого стал явно ощущаться, по мере того как российское общество довольно стремительно оказалось в политическом пространстве, в котором государство перестало играть роль единственного актора. Упреки населения властям в «наступлении на демократию», в отходе от принципов построения гражданского общества и другие подобные заявления стали звучать все чаще. Лозунг демократии выражается в двух трактовках — либеральной, мини-

мизирующей государство, и массовой с весьма пестрым спектром ожидания — от права на массовые движения до права на спонтанную эмоциональную активность масс вплоть до анархических бунтов. Первое уже проходили на Западе, второе — проходят сейчас на Востоке. Но не будет ли «заимствование» и «перенос» идеи демократии, ее институциональных, правовых и массовых формул в нашу действительность таким же болезненным, каким был процесс ускоренной приватизации?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к теории и истории вопроса. В 1990-е годы идеи политической модернизации и демократии рассматривались как предшественники частной собственности, предпринимательства, что привело к неудаче как политические реформы, так и экономику капитализма, весьма искаженно воспринявшую основы капитализма. Участие масс в этом процессе осуществлялось на уровне эмоционального отрицания старого порядка, анархического следования за новыми лидерами, выдвинувшими идеи политического отрицания прежнего общества на передний план. По существу, это была революция, руководимая пафосом коренных перемен, которая решит все нерешенные проблемы и обеспечит «счастливую жизнь». «Большевизм» этого нового мировидения получил лишь противоположный знак, но не новое мышление.

Прежде всего уточним, что демократия — это явление современности (эпохи модерна), выросшее из последовательно осуществляемого процесса модернизации, идущее согласно теории С. Хантингтона «волнами», вовлекающими все новые и новые страны. Демократия (как, впрочем, и рыночная экономика) возникает, концептуализируется и обретает конкретные национальные черты в рамках конструкции: *«современное государство — рыночная экономика — гражданское общество»*. Демократии городов-полисов, новгородская демократия и другие исторически известные формы в докапиталистических обществах связаны лишь этимологической общностью с современной формой демократии, не имеющей непосредственного характера, а являющейся представительной. Мы можем утверж-

дать, что для политической модернизации и демократизации в 1990-е годы, в условиях полного отсутствия квалифицированных собственников, тех «капиталистов поневоле» (Лахман, 2010), энергия которых требовалась, чтобы запустить механизм рыночной экономики, тогда еще не пришла пора, поскольку политический энтузиазм перехода к демократии сам по себе не мог обеспечить появление собственников, подобно тому как сегодня для демократизации современной России пока не пришла пора из-за отсутствия цивилизованного рынка, выдвигающего конкурентоспособность, в том числе и политическую (демократию), в ранг добродетели. Мы далеки от убеждения, что что-то пропустили или можем ускорить, ибо каждый элемент названной выше триады нуждается в усовершенствовании и развитии политической культуры, в совместном продвижении. Мы убеждены, что нас неизбежно ждут удачи вызревания политической культуры и компонентов указанной триады, сменяясь неудачами из-за полной переделки общества, требующего накопления опыта, что дело не в том, что этого кто-то не хочет, а дело в том, что мы еще плохо это умеем.

Мы не можем заимствовать демократию. Идея «переноса» демократии теоретически не верна. Это доказали не только опыт 1990-х, но и весь опыт становления демократии в ныне демократических странах. Можно утверждать, что знание существующих форм демократии и путей ее формирования — всего лишь методологический регулятив, идеальный план конструктивной политической деятельности. При этом все же требуется ясно осознавать, что западные демократии возникли в рамках сложной системы взглядов на природу общества, на роль и место рыночной, капиталистической экономики и государства в системе управления общественными процессами. «Набор» компонентов для построения демократии, имеющейся в нашей действительности, несколько иной. Но все же построить демократию — значит выработать политическую культуру компромисса, возможную только в реальной практике взаимодействия государства, рынка и общества.

Известный американский исторический социолог Ч. Тилли в книге «Демократия» приходит к выводу, что демократия — явление новейшего времени и что она есть результат сложного исторического процесса, она может быть и неустойчивой, и даже обратимой. Исторический опыт Франции и других стран хорошо иллюстрирует эту мысль, категорически опровергающую «представление о демократизации как о постепенном, продуманном и необратимом процессе, как о готовом наборе политических изобретений, которые народ просто принимает там и тогда, где и когда он к этому готов» (Тили, 2007: 51).

Сегодня мы находимся в начальной стадии формирования различных политических культур, содержание которых вырастает из поколенчески разного исторического опыта, из отличающихся между собой систем базовых ценностей, из разных стилей жизни, наконец. И приходится учитывать, что мечта о единой политической культуре — это советское наследие. Строя демократию, придется понять, во-первых, что мы разные, но и, во-вторых, что для демократизации как процесса требуется и сильное государство, и развитые рыночные отношения, и наработанные навыки жить в обществе различных политических культур.

КАКОВ ЖЕ ПРОЕКТ БУДУЩЕЙ РОССИИ?

Сегодня нет универсальной модели. Любая модель, сколь бы апробирована она ни была в другом месте, нуждается в тщательной адаптации.

Л. Бальцеревич, которому удалось провести в Польше достаточно успешные реформы при помощи Запада, которая нам не была оказана, являющийся исследователем путей реформирования, пишет вместе со своим соавтором А. Жоньцы: «Проблема разработки программы (проекта. — *Авт.*) реформ (а мы находимся в стадии продолжающегося реформирования. — *Авт.*), обеспечивающей успех, не сводится к преодолению барьеров, на пути роста... необходимо найти те реформы, которые наиболее продуктивны... при данных исходных условиях» (Бальцеревич,

Жоньцы, 2012: 123). Условием успешных реформ Бальцеревич и его соавтор считают: наличие направления, масштаба и обозначенного времени реформ; переплетение экономики реформ и политической экономии реформ; невозможность принять устойчивость реформ за прямую функцию их конструкции: «...в зависимости от экономических условий одна и та же программа реформ может принести разные результаты и иметь разные шансы на то, что ее поддержат» (там же: 116). Авторы ссылаются на специфику реформ в Китае и в России, которые не совпадают с ситуацией в Польше, поскольку в этих странах можно надеяться на либерализм как на отложенную задачу.

Никто не говорит о существовании некоей панацеи. В России же многие мыслят в направлении поиска панацеи. Отрицая это, подчеркнем то, что для нас становится проектом модернизации России как продолжения ее реформ — развитие индустриальных производств (ИП) и производительных индустрий более высокого наукоемкого типа (ПИ), развитие по пути к обществу знания. Нам важны смешанные типы экономики и политической культуры, диверсификация производств и регионов для более успешного приспособления к их условиям, и все это необходимо для подъема уровня жизни населения до средне-богатого и последующего развития человеческого, социального и культурного капитала. Этот проект является социальным, так как выбор технологий, методов, задач не осуществляется самими технологиями.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ «Новая стратегия индустриализации Японии поощряла активное применение традиционных трудоемких технологий, модернизацию традиционной промышленности и сознательное приспособление западных технологий к совокупным факторам производства», — пишет Дж. Ариги (Ариги, 209: 44–45). «Революция прилежания», открывшая восточноазиатский путь, была «чудом распределения», создавшим возможность распространения «чуда производства» на подавляющее большинство народонаселения мира посредством трудоемкой, энергосберегающей индустриализации» (там же: 47).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон, Р. (2012) Просто не стой на пути: Как государство может помочь бизнесу в бедных странах. М. : ИРИСЭН ; Мысль.

Арриги, Дж. (2009) Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М. : Институт общественного проектирования.

Бальцерович, Л., Жоньцы, А. (2012) Удачные программы реформ // Загадки экономического роста: Движущие силы и кризисы — сравнительный анализ / под ред. Л. Бальцеровича, А. Жоньцы. М. : Фонд «Либеральная миссия» ; Мысль. С. 114–139.

Даред, Д. (2009) Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. М. : АСТ.

Лахман, Р. (2010) Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М. : Территория будущего.

Тили, Ч. (2007) Демократия. М. : Институт общественного проектирования.

Уткин, А. И. (2004) Сколько стоит демократия [Электр. ресурс] // Литературная газета. №10 (5964). 17–23 марта. URL: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg102004/Polosy/art2_1.htm (дата обращения: 04.01.2013).

Фридмен, Дж., Краус, В. (2012) Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования. М. : ИРИСЭН.

Manufacturing the Future: The Next Era of Global Growth and Innovation (2012) [Электр. ресурс] // McKinsey & Company. URL: http://www.mckinsey.com/insights/mgi/research/productivity_competitiveness_and_growth/the_future_of_manufacturing (дата обращения: 12.12.2012).

*ECONOMY AND DEMOCRACY
IN THE PROJECT OF RUSSIA'S
MODERNIZATION*

*V. G. Fedotova, V. A. Kolpakov
(The Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences)*

A social project of the modernization of Russia is proposed by the authors and discussed in the paper.

This project extends the current conceptualization of modernization tasks. The rejection of a number of myths existing in the society reveals new design characteristics of Russian modernization.

Keywords: modernization, project, regions, production, industrial production, manufacturing industry, diversification, political culture, mixed economy, mixed political culture.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Anderson, R. (2012) Prosto ne stoi na puti : Kak gosudarstvo mozhет pomoch' biznesu v bednykh stranakh. M. : IRISEN ; Mysl'.

Arrigi, Dzh. (2009) Adam Smit v Pekine : Chto poluchil v nasledstvo XXI vek. M. : Institut obshchestvennogo proektirovaniia.

Bal'tserovich, L., Zhon'tsy, A. (2012) Udachnye programmy reform // Zagadki ekonomicheskogo rosta : Dvizhushchie sily i krizisy — sravnitel'nyi analiz / pod red. L. Bal'tserovicha, A. Zhon'tsy. M. : Fond «Liberal'naia missiia » ; Mysl'. S. 114–139.

Dared, D. (2009) Ruzh'ia, mikroby i stal'. Istoriia chelovecheskikh soobshchestv. M. : AST.

Lakhman, R. (2010) Kapitalisty ponevole: Konflikt elit i ekonomicheskie preobrazovaniia v Evrope rannego Novogo vremeni. M. : Territoriia budushchego.

Tili, Ch. (2007) Demokratiia. M. : Institut obshchestvennogo proektirovaniia.

Utkin, A. I. (2004) Skol'ko stoit demokratiia [Elektr. resurs] // Literaturnaia gazeta. №10 (5964). 17–23 marta. URL: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg102004/Polosy/art2_1.htm (data obrashcheniia: 4.01.2013).

Fridmen, Dzh., Kraus, V. (2012) Rukotvornyi finansovyi krizis : sistemnye riski i proval regulirovaniia. M. : IRISEN.

Manufacturing the Future: The Next Era of Global Growth and Innovation (2012) [Elektr. resurs] // McKinsey & Company. URL: http://www.mckinsey.com/insights/mgi/research/productivity_competitiveness_and_growth/the_future_of_manufacturing (data obrashcheniia: 12.12.2012).